

Религия
России

Аргудяева Ю.В.

Обряды жизненного цикла у русских старообрядцев в Северо-Восточном Китае

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308

Аннотация. Освещается трансляция культурного наследия русских старообрядцами, эмигрировавшими из Приморья и Приамурья в Северо-Восточный Китай. Рассматриваются особенности родильно-крестильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности. Анализируется степень сохранности традиций в обрядах жизненного цикла в принимающей стране.

Ю.В. Аргудяева

Ключевые слова: русские, старообрядцы, эмиграция, религия, трансляция культурного наследия, традиции, обряды жизненного цикла, Северо-Восточный Китай

Семейная обрядность, или обряды жизненного цикла, – родильно-крестильные, свадебные и похоронно-поминальные – у старообрядцев-беспоповцев в Северо-Восточном Китае, в частности, в Маньчжурии, как и другие составляющие русской культуры, полностью сохранили свои русские традиции, которые сложились к 1920-м – 1930-м годам в Приморье и Приамурье, откуда это культурное наследие было транслировано в Северо-Восточный Китай.

Основополагающее значение в развитии обрядов жизненного цикла имела принадлежность к определённому вероисповеданию и определённым вероисповедным установкам. Они имели некоторые различия у старообрядцев-поповцев и старообрядцев-беспоповцев, эмигрировавших в основном из восточных регионов России в конце XIX – первой трети XX веков в Северо-Восточный Китай и расселившиеся в его разных районах. Так, старообрядцы-поповцы преимущественно сконцентрировались в г. Харбине, поселившись также и в так называемом Трёхречье¹ – посёлках Верх-Кули, Покровке, Усть-Ширфовая (Ширфовая). В Трёхреченские посёлки, где они жили совместно с православными казаками и несколько лет – с дальневосточными старообрядцами-беспоповцами, старообрядцы-поповцы пришли преимущественно из Забайкалья, из станицы Доно (Донинской). Старообрядцы-беспоповцы (часовенные) уходили в Китай с юга Дальнего Востока – Приамурья и Приморья в 1920–1930-е годы. Часть из них поселилась вначале рядом с православными русскими вблизи различных станций КВЖД, где зарабатывала на жизнь различными подёнными работами. Некоторые, к востоку от Харбина, недалеко от границы с Россией, основали старообрядческие беспоповческие посёлки – вначале Селинхэ, Чипигу, Медяны, а затем и знаменитую Романовку. Были среди старообрядцев-беспоповцев и те, кто ушёл в Трёхречье. Часть из них, в частности, Селифон (Ксенофонт) Петрович Бодунов и Семён Георгиевич Милентьев (Мелентьев), жившие после эмиграции из России в Маньчжурию непродолжительное время на ст. Эхо, по данным П. Шахматова основали в Трёхречье пос. Усть-Ширфовая (Ширфовая), назвав его первоначально Красный Яр. Немного позднее сюда прибыли беспоповческие семьи приморских старообрядцев-эмигрантов Семёна Калугина, Автонома Куликова, Луки Малахова, Константина Ануфриева, Мартемьяна Гуськова, Фёдора Валихова,

Томилова². Сведения П. Шахматова подтверждаются архивными материалами³. Вскоре в Ширфовую прибыло довольно много забайкальских казаков – ортодоксальных православных и старообрядцев-поповцев. Очевидно, это и послужило основной причиной непродолжительного (от полутора до четырёх лет) пребывания в Ширфовой небольшой группы старообрядцев-беспоповцев и их переселения к своим единоверцам в беспоповщинскую Романовку, а также в Селинхе, Медяны, Чипигу, где они свободно могли осуществить с представителями своего согласия брачные контакты, крестить новорождённых и проводить похоронно-поминальные обряды. В эти старообрядческие селения стали прибывать не только беспоповцы из других регионов Северо-Восточного Китая, но и их одноверцы из южного Сахалина и Японии, где было довольно трудно найти себе брачную пару по канонам старообрядчества, т.е. не состоявшую в родственных отношениях до восьми степеней кровного, а также в духовном (крёстные) родстве.

Специфика формирования старообрядцев юга Дальнего Востока России, откуда прибыла основная часть беспоповцев, отразилась и на бытовании в Северо-Восточном Китае семейной обрядности (родильно-крестильной, свадебной и похоронно-поминальной) в основе своей – восточнославянской и русской, но впитавшей в себя черты локальной культуры, сформировавшейся уже в дальневосточном регионе. Это прослеживается во всех обрядах жизненного цикла старообрядцев и в Северо-Восточном Китае. В этом регионе, в частности, в сельской местности, где народные традиции всегда сохранялись лучше, превалировали старообрядцы-беспоповцы. К характеристике их семейных обрядов мы и обратимся, тем более что информация об этом периоде жизни русских старообрядцев удалось получить в дальневосточном регионе от них самих, так как часть из них реэмигрировала в 1950-е годы из Маньчжурии в Россию, в том числе на Дальний Восток.

У дальневосточных старообрядцев в конце XIX – начале XX веков бытовали следующие родильные обряды и представления:

- 1) меры против бесплодия;
- 2) представления и запреты, связанные с беременностью женщины (пищевые запреты, «сокрытие» беременности от «сглаза» и др.);
- 3) обряды непосредственно во время родов: зажигание венчальных свечей, развязывание узлов в доме, магические заговоры и др.;
- 4) послеродовые обряды: очищение – «размывание» рук матери и повитухи, магические действия с детским местом, крещение; обряды, символизирующие принятие ребёнка в общину и др.

Рождение ребёнка было важным событием как для семьи, так и для общины. Отношение к бесплодию в крестьянской семье всегда было отрицательным. Некоторые бездетные семьи так и коротали свой век до самой смерти. В иных брали на воспитание чужих детей.

Против бесплодия применяли различные меры. У старообрядцев прежде всего истово молились различным святым, использовали фитотерапию (зверобой, тысячелистник, пастушью сумку, калину, кору дуба, спорыш, омелу белую, девясил, бадан и другое растительное сырьё). Успешно применяли продукты животного происхождения и другие дары природы. Так, неплохой результат давал настой на водке пчелиной матки, изюбриного хвоста и выпоротка (нерождённый плод) изюбря или дикого оленя.

К искусственному прерыванию беременности всегда относились отрицательно. Это считалось большим грехом. И всё же бывали случаи тайного прерывания беременности или стремления её прервать. Чаще всего прибегали к помощи бани – сильно распаривались и прыгали с полки, поднимали тяжести и т.п. Использовали также спицу, мыло и некоторые другие предметы.

Особых запретов в еде, труде и поведении для беременной женщины не существовало. Просто она должна была на любых работах остерегаться, не поднимать больших тяжестей, не ездить верхом на лошади. В то же время в крестьянской среде беременная женщина не освобождалась от повседневных работ. В больших неразделённых семьях, где было несколько невесток, беременная женщина могла рассчитывать на некоторое облегчение в своей ежедневной деятельности. Но в малой семье,

где ещё не было детей-помощников или они были малы, все многочисленные домашние работы ложились на женские плечи. Заменить её в хозяйственной деятельности просто было некому. Безусловно, так было не во всех семьях. Более бережным отношением к крестьянским женщинам, по свидетельству информаторов, отличались старообрядцы. Если «тяжёлая» женщина себя плохо чувствовала, ей старались помочь – лечебным травяным настоем попойт, баню истопят.

Сама женщина свято верила, что для успешного разрешения от беременности необходимо строго следовать установившимся в крестьянской среде обычаям, обрядам, приметам, поверьям. Поэтому, как только наступало время родить, все домашние, дабы не накликать беду на роженицу, старались не говорить вслух об этом событии и стремились, чтобы как можно меньше односельчан знали о предстоящих родах.

В русской крестьянской семье женщина нередко рожала сама, без посторонней помощи. Некоторый опыт у неоднократно рожавшей женщины приобретался от бабки-повитухи, принимавшей первые роды. Определённые понятия о родах крестьянка получала, помогая разрешиться от бремени домашним животным. А вот впервые рожавшей (*первородке*) или мало рожавшей женщине без помощи *бабки-повитухи* было не обойтись. *Повитуха*, знавшая многие практические и магические приёмы, облегчавшие появление ребёнка на свет, не только принимала ребёнка, но и оказывала существенную помощь роженице и младенцу после окончания родов.

Все действия бабки-повитухи с роженицей и новорождённым у русских крестьян обозначались одним термином – *бабиться* (*бабить*, *бабничать*). «Бабила» обычно вдова или пожилая женщина, у которой прекратились месячные, и она не могла беременеть. Она должна была быть безукоризненного поведения, в хороших взаимоотношениях с мужем, пользоваться всеобщим уважением. Повивальные бабки были практикующими в каждой крестьянской деревне, а в больших сёлах практиковали несколько бабок-повитух.

Были повитухи и в дальневосточных старообрядческих деревнях. Повитуха не выбиралась и не назначалась обществом. Она признавалась в этой роли за хорошую практическую деятельность, опыт, умение не только хорошо принять роды, но и «обиходить» на первых порах как родильницу, так и ребёнка. Если женщина начинала *бабить*, она уже не могла отказаться прийти к роженице, сославшись на занятость, дальнейшее расстояние, плохую погоду и т. п. Поэтому, приняв на себя повивальные обязанности и доказав своё искусство в этом ремесле, бабки-повитухи пользовались среди крестьян немалым уважением. Ценились не только их опыт, но и хорошее знание и применение необходимых примет и обрядов, честность и порядочность, умение лечить младенцев. Это были как рациональные знания, так и всевозможные поверья, приметы, которых крестьянки неукоснительно придерживались.

Старообрядцы обычно принимали роды в бане, которую предварительно слегка протопливали, а если роды начинались стремительно – в избе. Перед родами женщина прощалась со всеми родными, так как исход родов не был известен. Одновременно старались употребить различные магические и христианские средства защиты. Беременной женщине перед родами положено было покаяться и причаститься. Считалось, что совершение этих таинств очищало женщину. Призывали также на помощь различных святых; старообрядки обычно молились пресвятой Богородице Федоровской и святой великомученице Екатерине. Приняв ребёнка, повитуха хлопала его по спинке (чтобы закричал), осеняла крестом и читала над ним молитву.

В дальневосточном регионе, как и в европейской части России, длительное время сохранялась вера в магическую связь между последом («местом») и пуповиной, поэтому обрезание пуповины считалось одной из важнейших послеродовых процедур. Повитуха принимала ряд мер, чтобы как можно быстрее вышел послед, который вместе с отрезанной пуповиной, кусочком хлеба и мелкой монетой заворачивала в чистую тряпицу и закапывала там, где проходили роды (у старообрядцев обычно за баней). Старались спрятать послед и пуповину как можно тщательнее, чтобы ни человек, ни домашнее животное не могли их найти и достать. Свято верили, что через послед и пуповину можно нанести вред роженице и новорождённому. По завершению родов повитуха осматривала ребёнка: нет ли вывиха, не надо ли

поправить головку, ножки, ручки. Повитуха не ограничивалась только уходом за новорождённым и роженицей. Она оказывала практическую помощь семье – могла принести с собой какие-либо продукты, пелёнки новорождённому, выполняла по дому ряд хозяйственных работ.

Как и у других восточнославянских народов, у русских в обязанности повитухи входили очистительные меры и обряды, связанные с обиходом младенца и роженицы после завершения родов. Здоровье женщины поправляли исключительно средствами народной медицины – заговорами, продукцией растительного и животного происхождения. В случаях послеродового кровотечения поили различными травами, способствующими сокращению матки (пастушья сумка и др.). Многие старообрядки, особенно бабки-повитухи, хорошо разбирались в травах. В отдалённых деревнях и районах со смешанным конфессиональным населением повивальные бабки оказывались лицами надконфессиональными – роды принимали у всех рожениц.

Родильно-крестильная обрядность старообрядцев-беспоповцев Маньчжурии была полностью перенесена сюда из Приамурья и Приморья. Роды обычно принимала бабка-повитуха, могла принять и мать или свекровь роженицы. Приближение сроков родов старались держать в тайне. Один из наших информантов вспоминал об этих событиях, свидетелем которых он был в подростковом возрасте: *«А повитуха, я скажу об этом..., но как-то всё это было тайно. Ходит женщина така, така. Нам ничё не говорили. Нам говорили: прошла по речке, зачерпнула, нашла. Мы верили, ничё мы не знали. Я даже долго не знал... Мы не обращали внимания. Рожали в бане. Баню топят, а чё там делают: лён ли мнут, ли чё-то. Дома – семья. Топят баню: родится, помогут; на другой день баню топят: помогут, бельё постирают. А дома? Там чё? Там рукомойник, лоханка. Где там?»*⁴. Повитуха в первые дни обхаживала и младенца, и его мать. Известной повивальной бабкой в Маньчжурии была мать нашего информанта Прохора Григорьевича Мартюшева. Для роженицы она готовила специальную бражку – сорокотравницу (сороковицу), настоянную, по его словам, на сорока разных травах. Такой напиток быстро, за 2–3 дня поднимал роженицу на ноги⁵.

Крестили ребёнка обычно на 8-й день после рождения, но по состоянию здоровья могли и раньше. *«Дитё родилось, быстро зовут наставника. В Писании сказано: «Дать молитву родици дитю». Пока дитё не крещёно – Дьявол к нему прикасается, то надо его покрестить и прочесть очистительную молитву. Элиф ребёнок заболел, то скорей надо крестить, не дожидаться восьми дней, чтобы ребёнок некрещёным не умер»*⁶. Крещение осуществляли в любой день недели. Ребёнка приносила в моленную крёстная (крёстный) или бабка-повитуха. Только они и настоятель присутствовали во время крещения. Настоятель брал ребёнка и три раза погружал с головой в купель, в холодную, непременно проточную воду. После купели на ребёнка надевали крест, поясок и крестильную рубашечку. Её хранили всю жизнь и клали в гроб⁷.

Одновременно новорождённому давали имя, которое выбирали по святцам: девочке – в течение восьми дней до рождения и восьми дней после рождения, а мальчику лишь в течение восьми дней с момента появления на свет. Считалось, что с именем ребёнок получает душу и ангела-хранителя.

Крестить ребёнка у старообрядцев-беспоповцев должен был только настоятель. Лишь в случае крайней нужды (младенец слишком слаб и может до крещения умереть, или вблизи не было настоятеля) крестить разрешалось отцу или матери ребёнка и бабке-повитухе. Об этом была соответствующая запись в «Бикинском соборном уложении», состоявшемся у старообрядцев-беспоповцев в Приморье 28 декабря 1926 года / 2 января 1927 года: *«...Крестить младенца без великой нужды отец детища не может, а при великой только нужде, если нету близко настоятеля, а детище умирает, то по нужде может. Без великой нужды мать и баба крестить не могут...»*⁸.

Этих правил придерживались и старообрядцы-часовенные в Маньчжурии. По мнению реэмигрантов и их потомков, в Маньчжурии в конце 1930-х – в 1940-е годы было уже много беспоповцев, поэтому, за исключением отдельных случаев, отсутствовали сложности при вступлении в брак и крещении младенца. *«Если вдруг*

не будет настоятеля, – рассказывал реэмигрант М.А. Басаргин, – то сами не крестят – ждут. Даже если 8–10 дней пройдёт. Ребёнок крепкий, ничего не случится. Самим крестить даже опасно – вдруг он крутнётся в купели. Но таких случаев не было. Если даже крестить в другой стране, скажем, в Японии, настоятель быть должен. Когда ушёл в Маньчжурию дедушка Семён Зиновьевич Калугин..., во время Кхуцинского восстания [в 1932 году – Ю.А.], он жил там только вдвоём с женой. Тогда он крестил сам, так как никого из старообрядцев там ещё не было. Но по правилам, это всё равно возбранялось. Там даже собор по этому поводу был (то ли в Романовке, то ли Селинхэ)...Крестили только тогда, когда вокруг не было старообрядцев...»⁹.

Другой информант, Селивёрст Фёдорович Валихов, сообщил нам об экстраординарном случае при крещении его самого, когда он жил с родителями в конце 1930-х годов в Трёхречье, где в некоторых посёлках, в частности, в пос. Усть-Ширфовая, рядом с российскими эмигрантами-казаками поселились преимущественно старообрядцы-поповцы и японцы, пришедшие в Маньчжурию в 1932 году. Старообрядцев-беспоповцев, к которым относились родители нашего информанта, в то время в Трёхречье было мало, настоятеля не было, и ребёнок сразу после рождения не был крещён: «Отец был доволен, что сын родился. Я в январе родился, а в конце апреля были тёплые дни, и вот он решил меня потешить... И вот он налил в какое-то корыто воды и поставил на завалинку в тёплой воде меня. А ещо холодно было вобще-то. Солнце за тучу зашло, а он, видно, забыл про меня. Я там сидел, ветром меня, видно, продуло, и я заболел. И што делать? И он повёз меня к доктору японскому. Доктор помог. Они признали, что лёгкие простужены. И там же сделали мне прививку от оспы... И чтобы не умереть мне некрещёному, отец понёс меня к священнику [старообрядцу-поповцу – Ю.А.] покрестить...»¹⁰. Спустя несколько лет родители С.Ф. Валихова переехали в пос. Романовку, заселённый исключительно старообрядцами-часовенными. И в Романовке специально собирали собор, на котором обсуждали этот случай: «Собор собрали постаршие люди и рассудили, как, чего делать: крестить нас или нет после поповского крещения...? То которые книги старинные были принесены, то там были начётчики...Калугин Семён и Ксенофонт Бодунов и ишо были... какие-то..., то прочитали, решили, што не надо меня перекрещивать. Отец не принадлежал священству, а ради необходимости меня окрестили... А сам отец часовенный»¹¹.

В Маньчжурии старообрядцы, чётко придерживаясь при крещении обычая определённых запретов с выбором кумовьёв (восприемников), практиковали приглашение в восприемники своих сестёр и братьев (родных и двоюродных), иначе в будущем трудно будет найти женихов и невест, родниться. Из этих же соображений к последующим детям старались пригласить тех же кумовьёв.

Отношения крёстных с крестниками были конструктивными. По традиции крёстные должны были в повседневной жизни заботиться о крёстных. Они принимали участие в создании будущей семьи крестника, выступая в роли свахи или свашки; в случае смерти родителей заменяли их. Крёстный «... обязательно должен присутствовать на свадьбе, он как второй отец. Обычно был только один крёстный, так как степень родства и так очень высокая. Поэтому иногда в крёстные брали родственников... Никакой зависимости между полом ребёнка и крёстного не было... Один человек мог быть крёстным у нескольких детей одной семьи, но если он являлся родственником, например, братом. Если это был человек посторонний, то вторично приглашать его быть крёстным считалось неприличным...»¹².

В день крещения в семье роженицы устраивали крестины. На них приглашались кумовья, родственники, соседи. Обычно они приносили различную стряпню, небольшие подарки ребёнку. Крестины в ряде мест получили название *бабина каша*, очевидно в связи с тем, что главным действующим лицом в этом обрядовом действе выступала бабка-повитуха. Именно она готовила и раздавала гостям кашу. Крестильный обед, безусловно, состоял из разных блюд, но центральным была бабина каша. Популярность этого обряда связана, прежде всего, с тем, что основная направленность всех магических действий и благопожеланий крестильного обеда у восточных славян – обеспечение жизни и здоровья маленькому человеку, всему живому.

Вероятно, поэтому в представлении крестьян рождение детей и их жизнеспособность ассоциировались с плодородием земли, хлебных растений¹³. Отсюда и сближение этого события с аграрными праздниками, и особое отношение к крестильной бабиной каше, сваренной из определённых злаковых. У старообрядцев-беспоповцев Приморья и приморских староверов-эмигрантов в Маньчжурии крестильную кашу варили из пшеницы, гречки и риса. Рис постоянно был в употреблении крестьян, как в Маньчжурии, так и в Приморье – переняли от китайцев и корейцев, проживавших в Приморской области.

Раздавая гостям кашу, повитуха взамен получала от всех присутствующих деньги, размер которых зависел от состоятельности гостей. Одаривали повитуху также роженица и её близкие. Это могла быть кофта, платок, отрез на сарафан и др.

У старообрядцев бытовал и обряд *размывания рук*. Этот обряд мог устраиваться как до крестин, так и после них. Руки омывала как повитуха, так и роженица, и все присутствующие при этом женщины, пришедшие по традиции проводить родильницу. Омывали руки принесённой повитухой непременно свежей водой, в которую помещали овёс, семена льна, конопля, калины, гвоздики и других пахучих трав. Семена выполняли функцию плодородия и благополучия.

Помимо общеизвестных запретов, которых придерживалась русская женщина в послеродовой период, роженица-староверка, которая считалась «нечистой», в продолжение 40 дней питалась отдельно от других членов семьи. В течение этого же времени муж не должен был претендовать на супружеские отношения. По истечении этого срока родильнице читали «прощёную» молитву; она считалась очищенной и вновь становилась полноправным членом семейного коллектива и общины¹⁴.

Немалое значение придавали старообрядцы-беспоповцы Северо-Восточного Китая продолжению своего рода, а, следовательно, проблеме заключения брака и свадебным обрядам. В этих процессах, как и в родильно-крестильной обрядности, основополагающее значение имела принадлежность к определённой вероисповеданию. В брак вступали преимущественно со старообрядцами – представителями своего толка и согласия.

Юноши и девушки знакомились друг с другом во время совместных сельскохозяйственных работ, на вечерках, девичниках, календарных праздниках (Рождество, Масленица, Пасха) как в своей деревне, так и во время посещения родственников и свойственников в других старообрядческих населённых пунктах. Сложившаяся в Северо-Восточном Китае благоприятная брачная ситуация исключила проблемы с заключением брака как между старообрядцами-поповцами, так и между старообрядцами-беспоповцами.

Молодёжь самого крупного маньчжурского населённого пункта старообрядцев-часовенных Романовки заключала браки преимущественно со старообрядцами-часовенными в своей деревне, а также в ближайших старообрядческих деревнях Медяны, Селинхэ, Колумбэ, Чипигу и со старообрядцами-переселенцами из Японии. Юноши и девушки, жившие в одной деревне, ближе узнавали друг друга во время совместных сельскохозяйственных работ, на вечерках, девичниках, во время календарных праздников (Рождество, Пасха и др.). С потенциальными женихами и невестами из других старообрядческих деревень знакомились в свободный от хозяйственных работ период, обычно зимой. Среди жителей Романовки, Медян, Селинхэ, Колумбэ и некоторых других населённых пунктов были близкие или дальние родственники и свойственники, жившие в разных старообрядческих деревнях. Связи по родству и свойству были крепкими. Они подкреплялись периодическими взаимными визитами в свободное от сельскохозяйственных работ время, преимущественно на праздники и семейные торжества. Посещая таким образом разные деревни, молодёжь знакомилась друг с другом, юноши присматривали себе будущих жён из других населённых пунктов.

Основной формой брака у старообрядцев Северо-Восточного Китая было открытое сватовство. Свадебный ритуал проходил по полной традиционной схеме и состоял из ряда последовательных действий – обряды предсвадебного цикла (*выбор невесты, сватовство, договор, пропой, девичник*), собственно свадьба (*поездка за невестой, благословение родителей, расплетение косы, окручивание молодой,*

свадебный пир и др.) и послесвадебные обряды (столование молодых после первой брачной ночи, посещение родственников, тёщины блины и др.).

Илл. 1. Северо-Восточный Китай. Окрестности пос. Романовки. Молодёжь на гулянье.
Фото С. Ямадзоэ

Выбор своим сыну или дочери брачного партнёра обычно осуществляли родители, но уже в 1940-е годы стали прислушиваться к пожеланиям молодёжи. Вот, что рассказала Марфа Ивановна Басаргина (урождённая Калугина), проживавшая в Маньчжурии в дер. Романовка: *«Ваня Макаров сватался, когда ещё девчонкой была, лет 16. Под горкой гуляли, он подошёл и говорит: «Ты пойдёшь за меня замуж?». Я отвечаю: «Ты, что с печки упал?» Ая, говорит, сватов послал. Я повернулась, в избу ушла, запрягла жеребца, уехала по траву. Мама им сказала, что надо со мной разговаривать, а не с ними. Я в 1946 году замуж вышла, как только война закончилась. Я своего мужа – Анисима Кондратьевича Басаргина, один раз до свадьбы видела, когда к сестре в гости ездила, в деревню Колумбэ, за станцией Муданьцзян, в двухстах километрах от Романовки. Потом, когда он в феврале приехал невесту выбирать, меня выбрал, лучшие не нашёл и заслал сватов. Пришёл с родственником, дядей матери, который жил в нашем посёлке. Я сразу пошла, выбирать некого было, вокруг одна родня. С его стороны приехали бабушка с дедушкой..., их дочери. Дедушка Поздеев и был дядей его матери... Свадьба была уже у жениха, только через 4 дня, пока приехали. Туда папа поехал, из подруг никого не было. Приданого никакого не было. Ехали на поезде, с Муданьцзяна на машине, так как мостов не было, всё разрушено...»¹⁵.*

Свадьбы чаще устраивали после окончания полевых работ, в осенне-зимний период, вне постных дней. На Святки и Масленицу свадьбы не делали¹⁶. Сватать приходил обычно сам жених с ближайшими родственниками – отцом (матерью), дядей, тёткой и другими родственниками.

В конце 1930-х – начале 1940-х годов свадьбы по традиции отмечали несколько дней. Прежде всего, продолжительным был девичник – непременный предшественник собственно свадебного пира. На снимках, сделанных в этот период в Романовке японским исследователем С. Ямадзоэ, запечатлены фрагменты девичника и приготовления к свадьбе Ирины Исидоровны Кожиной, прибывшей с о-ва Сахалина. Она с родителями поселилась у родственников дер. Романовки. Замуж вышла за жителя этой же деревни Леонтия Ивановича Селеткова. Свадьбу устраивали в январе 1941 года. По воспоминаниям М.И. Басаргиной, девичник у И.И. Кожиной продолжался неделю, и *«...каждая девушка что-то готовила для предстоящей свадьбы: запон, рубашку, сарафан. Цветочки из ленточек делали [для красавы. – Ю.А.], вышивали, ткали пояса, шили на швейной машинке. Машинки мы в Харбине покупали. Челнок был длинный. Причитали тоже, песни пели»¹⁷.*

Если жених жил не в одной деревне с будущей женой, то девичник и пропой устраивался по месту жительства невесты, а свадебный пир – духовный обед и собственно свадьба, – в доме жениха, куда могли ехать и подружки невесты.

Илл. 2. Северо-Восточный Китай. Пос. Романовка. Девушки на девичнике перед свадьбой И.И. Кожиной. Фото С. Ямадзю

Илл. 3. Северо-Восточный Китай. Пос. Романовка. Девичник перед свадьбой И.И. Кожиной. Приготовление приданого. Фото С. Ямадзю

В 1945–1946 годах из-за трудностей послевоенного времени сроки проведения свадебного торжества значительно сократились. Жительница Романовки Марфа Ивановна Басаргина, вышедшая замуж за Анисима Кондратьевича Басаргина из деревни Колумбэ, вспоминает: «Пропой делали у нас в доме. На пропое ничего и не было – после войны. Три литра бражки, собрали близких и всё. Песни попели, заплакали. Один день был девичник, в тот же день, что и пропой, попели песни, погуляли. На следующий день – хлопоты – шили, собиравались»¹⁸. Свадебный пир проводили уже в Колумбэ, куда поехал только её отец.

Спустя несколько лет жизнь понемногу стала налаживаться, и свадебные торжества устраивали обычным порядком. Вот как вспоминает об этом событии Агапея Ивановна Гуськова (урождённая Селеткова): «Я вышла замуж в 1948 году за Агафона Гуськова, в Романовке, мы были с одной деревни. Он был меня младше на три года. Это нисколько не возбранялось, мы друг другу поглянулись, пока пахали. Полгода я не соглашалась, он за мной ходил. Со мной рядом были тятя и мама, мне их жалко было бросать. Меня и до этого сватал Петя Белоногов, не пошла. Не то слово сказал, опостылел... Агафон сам пришёл меня сватать вместе с матерью и тёткой. На сватовстве всё было скромно. Пропой был побогаче, его родственники были. Один вечер был. В этот же день и девичник. Он продолжался неделю, мы шили, полотенца вышивали (на готовой ткани). Мы сами всё готовили. Я жениху рубаху из своей материи вышила»¹⁹.

Илл. 4. Северо-Восточный Китай. Пос. Романовка. Свадьба Калугиной Ирины Анисимовны. (Семейный фонд И.А. Ревтовой)

Илл. 5. Северо-Восточный Китай. Пос. Селинхэ. Свадебное торжество.
(Семейный фонд М.И. Басаргиной)

К обозначенному по договорённости дню жених подготавливал свадебный «поезд» для поездки за невестой. Непременно украшали сбрую лошадей, повозки; празднично одевался жених и его «свита». На подворье невесты их пускали не сразу – следовала серия «выкупов»: за открытие ворот усадьбы, за проезд во двор, за вход в избу и т. п. Выкуп невесты происходил в её доме. *«Выкуп невесты проходит так, – вспоминает А.И. Гуськова, – девки садятся за стол, невесту сажают в передний угол и накрывают шалью. С правой стороны сидит брат, продаёт косу, с ножницами в руках. По другую сторону сидит подруга – продаёт невесту. Если мало положат денег в стакан, который рядом стоит, она на него дунет – деньги улетели, ещё добавлять надо. Потом «гвоздями прибивать крышу», чтоб держалось, – медяков или серебряных монет класть. Ещё одна сидит, требует поесть. Ей дают сладкий пирог. Следующая пить хочет. Ей дают стакан – мало. Дают литров пять – достаточно. Это всё шутя. Девчонок-то много. Ещё одна сидит – хочет зубы точить. Ей дают семечек, орехов, шелухов. Забирают невесту, идут в моленную. А мы (подруги), уходим обедать, выпивать, на свадьбу не ходим.*

Моя свадьба была 9 сентября... Молитва, или брак, совершались в моленной во время свадьбы в обязательном порядке. Когда брачуют, идут старики, старухи, которые были в моленной, молодёжи нет. В Романовке тоже была моленная, настоятелем был Ксенофонт Петрович Бодунов. Настоятель спрашивает невесту: „Ты волей идёшь?“ „Волей“; спрашивает жениха: „А ты волей берёшь?“ „Волей“. Три раза спрашивают, потом – свидетелей: „Вы слышали?“ – „Слышали“. Берут несколько платочков, связываются, их держат все – дружка, невеста, жених, свашка. Это чтобы никто между женихом и невестой не прошёл, не сделал ничего худого, ничего плохого не сказал, сглаза, порчи боялись. Если что-то плохое случится, думают, что наслали порчу. Всякие случаи бывают. Потом идут на духовный обед, в доме жениха, идут только те, кто был в моленной... Потом везут к жениху невестины подарки, приданое. „Продают“ невестины вещи. Молодёжь несёт эти вещи, их в дверях „заколodют“ (то есть не пропускают) – требуют выкуп; в воротах тоже „заколodют“. Откупаются бражкой.

Потом молодые идут приглашать на свадьбу. Все собираются, накрывают столы. Это уже сама свадьба. Невесте и жениху дозволяется один стакан бражки на двоих выпивать, понемножку. После свадьбы всё шитое вешалось на стены. Я дарила рубашку свёкру, его братьям. У меня всё своё было.

После того, как наелись, напились, дарили молодым подарки – кто, что может – курицу, гуся, поросёнка, котёнка. Их приносили прямо на свадьбу, спелёнутыми.

Рубашку невесты не проверяли после первой брачной ночи. Свадьба шла два дня – день свадьбы и похмелья на второй день («похмельный стол» называется), снова собираются все вместе. Поют, пляшут, только музыка нельзя»²⁰.

Религии России

Стойко сохранялись традиции и в похоронно-поминальной обрядности, носившие как семейный, так и общественный характер.

Хоронили обычно на третий день после смерти. Считали, что покойный человек просится в землю. Умершего обязательно отпевали, настоятель служил панихиду. Его отпевали дома или в моленной.

На кладбище, которое находилось недалеко от посёлка, покойного выносили рано утром, вперёд ногами, через дверь. Несли на кладбище обязательно на руках, мужчины – мужчину, женщины – женщину, дети – детей, но недолго. Вскоре детские гробы подхватывали взрослые: девочку несли женщины, мальчика – мужчины²¹. Жерди, при помощи которых перемещали гроб на кладбище (*носилки*), перевязывали верёвкой в «головах» и в «ногах». Потом жерди убирали, гроб опускали в могилу на верёвках. Верёвки в могилу не бросали.

*Илл. 6. Северо-Восточный Китай. На кладбище у пос. Романовка.
Фото С. Ямадзэ*

Хоронили покойника в рубахе, сшитой из чистого, обязательно прополосканного в реке белого материала, домотканого или покупного, и в саване. Мужчинам штаны не надевали. Смертный костюм женщин такой же – рубаха и саван. Саван перевязывали пеленами, их изготавливали из льняных ниток. Сверху – белая, чистая простыня²². Были и плакальщицы. Институт плакальщиц сохранился у эмигрировавших в Маньчжурию старообрядцев до 50-х годов XX века, до их отъезда из Китая в Россию и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Первые поминки устраивали в день похорон, т. е. на третий день после смерти человека, затем – по традиции, на девятый, сороковой дни и в годовщину. На поминальном застолье были обязательными пироги с рыбой или грибами, окрошка с солёной капустой, свежими или солёными огурцами, кутья (пшеничная или рисовая каша с мёдом), суп из лапши с мясом (или без него в постные дни), квас, яблочный кисель.

Кроме семейной формы поминовения у маньчжурских старообрядцев сохранялись и элементы общественной. Общественное поминовение входило в систему годового календаря и отмечалось поминальными днями накануне Масленицы, в ближайшую послепасхальную Фомину неделю, в Троицкую субботу, в Димитровскую родительскую субботу и в другие дни.

Несмотря на консерватизм, похоронно-поминальные обряды уже в начале XX века исполнялись не в полном виде. Наблюдалась тенденция к дальнейшему упрощению этих ритуалов, исчезли бывшие строгие предписания относительно отдельных элементов похоронно-поминальной обрядности.

В целом же, старообрядцы южной части Дальнего Востока перенесли и сохранили в Северо-Восточном Китае магистральные черты семейной обрядности русских, сформировавшейся у приверженцев этой вероисповедальной группы

населения в дальневосточном регионе, где разновременные, разнонаправленные и разные по численности региональные потоки русских старообрядцев обусловили появление здесь зон с преобладанием северорусской, среднерусской и южнорусской традиций, на основе которых сложилась общерегиональная традиция в русских обрядах жизненного цикла. Трансляция этой части народных традиций в Северо-Восточный Китай в значительной степени способствовала сохранности духовного и материального культурного русского наследия на азиатском континенте и последующую трансляцию русских традиционных ценностей на американский континент, куда русские старообрядцы стали переселяться из Китая в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

Библиографический список

1. Гаврилюк, Н.К. Картографирование явлений духовной культуры (По материалам родильной обрядности украинцев) / Н.К. Гаврилюк. – Киев: Наукова думка, 1981.
2. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–7048. Т. 1. Л. 64.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 1484–1491, 4901–4905, 18904, 18905, 18910, 18916–18920, 28859, 2861, 2867, 30203, 30206.
4. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргиной Марфы Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).
5. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргина Михаила Анисимовича (с. Тавлинка Солнечного района Хабаровского края).
6. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Валихова Селиверста Фёдоровича (штат Орегон, США).
7. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Гуськовой Агапеи Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).
8. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Мартюшева Прохора Григорьевича (проживал в штате Орегон, США; информация записана в г. Владивостоке).
9. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Селетковой Марии Михайловны (пос. Берёзовый Солнечного р-на Хабаровского края).
10. Шахматов, П. Трёхречье. Воспоминания / П. Шахматов. – Томск: Изд-во «Красное Знамя», 2014.

¹ Трёхречье – «область трёх рек» (по-китайски Саньхэ цюй) – территория бассейнов притоков р. Аргуни (Гана, Дербула и Хаула), занимающая площадь примерно в 11 500 кв. км в северной части автономной территории Внутренней Монголии (Барги) в Маньчжурии (Китай).

² Шахматов П. Трёхречье. Воспоминания. Томск, 2014. С. 94.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 1484–1491, 4901–4905, 18904, 18905, 18910, 18916–18920, 28859, 2861, 2867, 30203, 30206.

⁴ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Валихова Селиверста Фёдоровича (штат Орегон, США).

⁵ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Мартюшева Прохора Григорьевича (проживал в штате Орегон, США; информация записана в г. Владивостоке).

⁶ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Валихова Селиверста Фёдоровича (штат Орегон, США).

⁷ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргина Михаила Анисимовича (с. Тавлинка Солнечного района Хабаровского края); информация Гуськовой Агапеи Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

⁸ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 64.

⁹ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргина Михаила Анисимовича (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

¹⁰ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Валихова Селиверста Фёдоровича (штат Орегон, США).

¹¹ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Валихова Селиверста Фёдоровича (штат Орегон, США).

¹² Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргина Михаила Анисимовича (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

¹³ Гаврилюк Н.К. Картографирование явлений духовной культуры (По материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. С. 144.

¹⁴ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Селетковой Марии Михайловны (пос. Берёзовый Солнечного р-на Хабаровского края).

¹⁵ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргиной Марфы Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

¹⁶ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Мартюшева Прохора Григорьевича (проживал в штате Орегон, США; информация записана в г. Владивостоке); информация Селеткова Николая Ивановича (пос. Берёзовый Солнечного р-на Хабаровского края).

¹⁷ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргиной Марфы Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

¹⁸ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргиной Марфы Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

¹⁹ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Гуськовой Агапеи Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

²⁰ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Гуськовой Агапеи Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

²¹ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Гуськовой Агапеи Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

²² Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргина Михаила Анисимовича (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края); информация Гуськовой Агапеи Ивановны (с. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края).

References

1. Shakhmatov P. *Tryekhrech'e. Vospominaniya* [Ergun. Memoirs]. Tomsk, 2014, p. 94.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, files 1484–1491.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, files 4901–4905.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 18904.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 18905.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 18910.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, files 18916–18920.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 28859.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 2861.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 2867.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, files 30203.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 30206.
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya* [State Archive of Primorsky Region]. Fund 1588, inventory III, file PU-7048, vol. 1, fol. 64.
14. Gavrilyuk N.K. *Kartografirovanit yavleniy dukhovnoy kul'tury (Po materialam rodil'noy obryadnosti ukrainitsev)* [Mapping the Phenomena of Spiritual Culture (According to the Ukrainian Parturient Rites)]. Kiev, 1981, p. 144.